

Города Шуи Старого Покровского собора протоиерей Иоанн Алексеевич Субботин (биография)

I.

Село Антилохово, Ковровского уезда, Владимирской губернии, которое даровало Российской церкви великого угодника Божия святителя Митрофана Воронежского и в котором родился выдающийся по своим умственным и нравственным качествам протоиерей Воскресенского города Шуи собора Алексей Никитич Никитский (1746—1836), высокообразованный питомец Московской Славяно-греко-латинской академии и Императорского Московского университета, было местом рождения и другого достойнейшего пастыря, служившего в том же городе Шуе, протоиерея Старого Покровского собора Иоанна Алексеевича Субботина.¹ с. 149

О. Иоанн родился 1 мая 1790 года, спустя несколько дней после смерти отца, беднейшего причетника, и таким образом, осиротел ещё до появления своего на свет. Страшную нужду терпела вдова. На четвёртом или пятом году мальчик заболел оспой. Догадливые деревенские бабы посоветовали вдове-причетнице попарить сынка в печке. Его выпарили хорошо; но последствия такого леченья оказались неожиданными и притом очень печальными: у мальчика лопнул и вытек левый глаз, так что несчастный сирота остался кривооком на всю жизнь. с. 150

Бог знает, что было бы с мальчиком, если бы не принял в нём участия двоюродный брат его, причетник села Малых Всегодич (Стеголиц), Ковровского уезда, Осип Тимофеевич.² Хотя он и сам был человек бедный, но всё-таки нашёл возможным принять к себе на воспитание сироту, потому что тогда не имел ещё такого большого семейства, каким обременён был впоследствии.³ Осип Тимофеевич воспитывал приёмыша, как своего родного сына, и в своё время постарался выучить его грамоте. При всех неблагоприятных условиях обучения мальчика (например, за неимением бумаги и денег на её покупку, он писал на берёстах), труды почтенного учителя увенчались полным успехом: смыслённый ученик скоро усвоил преподаваемые ему уроки и оказался вполне подготовленным для поступления в школу. Он был принят в Суздальское училище и, как приведённый сюда во едину от суббот, получил фамилию «Субботин».

Училищное здание — древний дом суздальских архиереев, тогда уже наполовину запущенный, с целою анфиладою пустых комнат, с полусгнившими ходами на необитаемые антресоли с. 151

**Миловский, Н.* Города Шуи Старого Покровского собора протоиерей Иоанн Алексеевич Субботин (биография) / *Н. Миловский // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная).* — 1894. — 1 апреля (№ 7); 1 мая (№ 9). — С. 149—158; 193—215.

¹ Краткая биография протоиерея Никитского, составленная священником Е. И. Правдиным, напечатана в 13 номере «Владимирских епархиальных ведомостей» за 1877 год и издана отдельной брошюрой. Биографии же протоиерея Субботина, который также заслуживает почтительного внимания со стороны Епархиального духовенства, доселе не издавались. Этим обстоятельством и вызван настоящий труд.

² Отец пользовавшегося почётною известностью во Владимирской епархии протоиерея гор. Юрьева-Польского Феодора Осиповича Нечаева.

³ В представленной Владимирским семинарским правлением Московскому академическому правлению ведомости за 1815 г. об учениках Владимирского духовного училища, заслуживавших полубурсачного содержания, о 13-летнем ученике высшего отделения Фёдоре Нечаеве, «Ковровской округи, села Малых Всегодич дьячка Иосифа Тимофеева» сыне, замечено: «на полубурсачное содержание поместить его необходимо, ибо ещё брат обучается в приходском училище — ученик первого класса Степан Лебедев; у отца в доме жена, ещё три сына, из коих одному уже восемь лет, и престарелая мать; сверх сего, он, Нечаев, поведения и успехов похвальных». (Дела правления Московской духовной академии. 1815 г. Ведомости разных семинарий и училищ.)

и чердаки, в которых почти всегда завывал ветер, и с развалившимися спусками в мрачные подвалы и подземелья, населённые крысами и мышами, наводило сначала страх на робкого, пугливого мальчика, как и на сверстников его, малолетних учеников. Нечего и говорить, сколько перенёс он за время училищной жизни всякого рода лишений и нужды. Учебных книг у него не было, не на что было и купить их; ему приходилось учиться по чужим учебникам и выученное из них записывать, для памяти и повторений, в тетрадку. Последнее обстоятельство имело, впрочем, и свою выгодную сторону: мальчик постепенно привыкал к усидчивости и трудолюбию.

С этими похвальными качествами Субботин перешёл во Владимирскую семинарию. Здесь, благодаря им, он в совершенстве изучил, между прочим, французский язык, а также и приобрёл отличную способность владеть пером. Его рассуждения литературного, философского и богословского характера выходили очень удачными: «похвально, орtime» — вот отметки, какие обыкновенно делали на них наставники. Писал Субботин и оды: ими он отплатил дань своему времени, когда ложно-классическое направление в литературе увлекало и семинаристов-поэтов. Но хотя оды Субботина писаны были по заведённому тогда в литературе определённом тону, сильно стеснявшему свободу творческого духа, они не лишены поэтических красот и отличаются удачным подбором рифм и звучностью стиха.¹

с. 152 Одна из таких од Субботина сослужила ему большую службу. В 1811 г., по окончании семинарского курса, на торжественном публичном акте в присутствии преосвященного Ксенофонта и других почётных лиц он прочёл оду о надежде, где в очень складных стихах раскрыл мысль, что никакой человек не должен терять надежды на лучшее будущее, как бы ни были иной раз тяжёлы и безвыходны его обстоятельства, что при надежде и жизнь не перестаёт казаться милою, и счастье может быть достигнуто, тогда как при отчаянии легко остаться несчастным навсегда. Стихи очень понравились почтеннейшему собранию, а особенно самому архиерею.² В награду за них он назначил автора на первое открывшееся в епархии учительское место — в Переславское духовное училище.

II.

с. 153 По прибытии в Переславль Иван Алексеевич с жаром принялся за учительское дело. Ему пришлось преподавать разные предметы в низших классах (по тогдашнему, в приходском училище), где находились мальчики, только что перешедшие из детского возраста в отроческий. Тем не менее, он сумел скоро приноровиться к ним и всё преподаваемое сделать для них

¹В оде его на тезоименитство преосвященного Ксенофонта говорится, например, следующее:

Се нас два Феба озаряют:
Единый Феб на небеси,
Отцем дня коего считают,
Другой Феб, Пастырь, Ты еси.
Тот к западу лишь поспешает,
И вдруг лучи свои теряет,
Скрываясь за горизонт;
А Ты, чем ближе приступаешь
Ко западу, ясней сияешь
Лучами славы, Ксенофонт!

²В этой довольно длинной оде преосвященному Ксенофонту, нужно полагать, особенно понравилась заключительная строфа, содержащая в себе очень лестное обращение к нему:

Дай Боже, чтоб надежда с нами
И в нашем сердце век жила:
С её счастливыми дарами
Для нас бывает жизнь мила.
Отец! Твой добрый ум высокий,
Толкуя нам небес уроки,
Надежды изливает свет.
Живи с твоими век сынами:
Когда живёшь Ты в нас и с нами,
Тогда надежда в нас живет!

удобопонятным и легковосприимлемым. За умелое и благоплодное прохождение учительской должности Иван Алексеевич удостоивался самых лестных отзывов со стороны начальства.

Переславское училище в то время находилось в Даниловом монастыре, где настоятельством тогда архимандрит Иосиф.¹ Этот человек имел способность быстро и безошибочно узнавать людей по их внутренним качествам. Когда в Даниловом монастыре появился молодой учитель Субботин, архимандрит Иосиф после первого же знакомства с ним составил о нём понятие как о человеке скромном, степенном, рассудительном, и тогда же восчувствовал к нему глубокую симпатию. С течением времени он не только не разочаровался в Иване Алексеевиче, но ещё больше полюбил его, особенно после того, как подметил в нём самые добрые качества — искреннее благочестие и строго нравственное направление. Окончательно же Субботин «пленил» о. Иосифа своим проповедническим талантом. Однажды Ивану Алексеевичу довелось сказать слово в праздник преподобного Даниила, при цельбоносных мощах его. Слово это так понравилось настоятелю, что он, хотя и сам был хорошим проповедником, решился не выступать на проповедническую кафедру в монастырские праздники, пока находится под рукою Субботин, и предоставлять эту честь ему.² Архимандрит Иосиф любил, чтобы Иван Алексеевич за богослужениями стоял вместе с ним в алтаре.³ Если о. Иосиф не служил, то он иногда, по поводу каких-либо неудобовразумительных мест в песнопении или чтении церковном, обращался к Субботину с вопросом о смысле их и сам давал ему на этот счёт свои объяснения и толкования, иногда переводя неудобопонятное выражение или кратко определяя смысл чтения характерными латинскими фразами, так как оба владели латинским языком в совершенстве.

с. 154

Но сравнительно недолго пришлось пожить вместе, в одном городе и одной обители, архимандриту Иосифу и Ив. Ал.: во второй половине 1814 г. они расстались друг с другом. О. Иосиф в августе того года определён был, с оставлением в прежней должности настоятеля Данилова монастыря, ректором Владимирской духовной семинарии и потому должен был уехать во Владимир, а монастырём управлять заочно. Через несколько недель по отъезде его во Владимир, покинул Переславль и Иван Алексеевич: он и по собственному желанию, и по совету о. Иосифа отправился держать приёмные экзамены в Московскую духовную академию, которая только что открылась тогда в Троице-Сергиевой лавре.⁴

с. 155

Однако поступить в академию ему не удалось: во-первых, он явился сюда слишком поздно, уже после экзаменов; во-вторых, как оказалось, его всё равно не приняли бы, потому что он

¹Величковский, из воспитанников Московской Славяно-греко-латинской академии. Принял монашество в Александро-Невской лавре. Был законоучителем в Санкт-Петербургском Коммерческом училище, затем — настоятелем Белгородского Николаевского монастыря. В 1819 г., из ректоров Владимирской духовной семинарии, хоротонисан во епископа Архангельского; через полтора года переведён на Смоленскую кафедру; после восемнадцатилетнего пребывания на покое в Киево-Печерской лавре почил там и погребён в церкви при дальних пещерах.

²Из сохранившихся доселе 15 проповедей, произнесённых Иваном Алексеевичем в Переславле в течение трёхлетнего его там пребывания, 9 сказаны были в Даниловом монастыре. Одна из них имеет исторический интерес: это — слово на день преподобного Даниила, 16 октября 1812 г., на текст: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы». Здесь проповедник, намекая на тогдашние события (нашествие французов), говорит: «Из настоящей беседы мы видели, что един Бог может даровать покой душам труждающимся и обременённым. И ежели когда, то ныне наипаче нам прилеплятися Богу благо есть. Ныне, говорю, наипаче, когда не токмо внутренний, но и внешний враг ищет нашей погибели. Ежели будет гнев Бога нашего на нас, то камо идём от духа Его и от лица Его камо бежим? Аще же Бог по нас, кто на ны?..»

³Однажды, осенью 1812 г., за всенощной, когда стояли они вместе в алтаре, о. Иосиф случайно взглянул, сквозь резные царские двери, внутрь церкви, и отшатнулся в изумлении: «Боже мой, — воскликнул он, — московский ректор здесь! Что бы это значило?» В церкви, действительно, стоял ректор Московской Славяно-Греко-Латинской академии, архимандрит Симеон, с некоторыми своими сослуживцами. Оказалось, что они бежали из Москвы, по случаю нашествия на неё французов, и, направляя путь свой к Вологде, остановились в Переславле, с намерением переночевать у знакомого им даниловского настоятеля; прибыв в его монастырь, когда здесь шла служба, они прямо направились в церковь...

⁴В бытность свою учителем Переславского училища, Ив. Ал., всегда помнивший добро, имел возможность отплатить долг своему почтенному воспитателю, всегодичному причетнику Осипу Тимофеевичу, принятием к себе на воспитание старшего сына его, Фёдора Нечаева, впоследствии протоиерея гор. Юрьева-Польского. Как много добра оказал Ив. Ал. Фёдору Осиповичу, это видно, между прочим, из следующих строк биографии протоиерея Нечаева: «Родители его, вероятно, затрудняясь в средствах содержать сына в учебном заведении, особенно при умножавшемся семействе, готовили ему с ранних лет дьяческую карьеру. К счастью, один родственник их, И. А. Субботин, бывший тогда учителем Переславского духовного училища, заметил в мальчике хорошие способности, взял его к себе и поместил в оное училище. Руководитель был человек самой строгой жизни и преданный науке. Эти черты невольным образом отпечатлелись и в молодой, восприимчивой натуре воспитанника. С ранних, почти детских лет Фёдор Иосифович полюбил книгу и в ней одной находил для себя развлечение; с поступлением в семинарию у него ещё более развилось пристрастие к чтению, оставшееся и на всю жизнь». (Юбилей пятидесятилетнего служения в пресвитерском сане протоиерея Юрьевского Георгиевского собора, Феодора Иосифовича Нечаева // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1874. — № 23. — С. 1157—1158.)

- с. 156 был крив, а по предписанию Комиссии духовных училищ в академии могли быть принимаемы студенты лишь «без значущих недостатков в благовидности».¹ Как горевал бедный молодой человек после такой неудачи! С какую сердечную болью оставил он академию, двери которой закрывались для него навсегда!²

III.

После неудачной попытки Ивана Алексеевича поступить в академию, преосвященный Ксенофонт, из глубокого сочувствия к нему и из истинно отеческого желания утешить его в горе, ободрить и поощрить к дальнейшей плодотворной педагогической деятельности, поспешил дать ему место учителя и инспектора в Суздальском духовном училище.

- с. 157 Иван Алексеевич был глубоко тронут таким благорасположением к нему преосвященного. Оставаясь ещё под живым впечатлением этого архипастырского внимания, он, чрез некоторое время по приезде в Суздаль, написал очень искусное стихотворение в форме *gondeau*, где, решая вопрос «кто грядёт вослед Христу» не мог не поставить в числе существенных признаков действительного последователя Христова покровительства сирым, защищения обидимых и утешения скорбящих, то есть как раз тех высоких проявлений истинно христианской любви, которые сам испытал на себе именно со стороны преосвященного Ксенофонта.³

В Суздале Ив. Ал. имел большое нравственное влияние не только на учеников, но и на сослуживцев, которые все, начиная со смотрителя протоиерея Смирнова, питали к нему самую искреннюю приязнь и почтение. Памятником близких, дружеских отношений между ним и смотрителем служит французская книжка сочинений Буало с следующей надписью: «Господину инспектору и учителю Ивану Алексеевичу Субботину, любезному моему сотруднику, дарю сию книжку со усердием. Протоиерей Дмитрий Смирнов. 1815 г. мая 8 дня».

- с. 158 Усердная и полезная служба Ив. Ал. в Суздальском училище была оценена начальством по достоинству. Когда в 1816 г. открывалось в гор. Шуе духовное училище, для которого требовался на первых порах особенно энергичный и опытный инспектор, правление Владимирской семинарии сочло за наилучшее избрать на эту должность именно Субботина, суздальского инспектора, как вполне отвечавшего таким требованиям места и времени.

Друзья проводили его из Суздаля в Шую с сердечною скорбью и разного рода благожеланиями. «Скорблю душевно, — писал ему по-латыни вскоре после того один из них, — скорбит также и Егор Афанасьевич Лебедев⁴ в разлуке с тобою... Желал бы я, чтобы в Шую ты нашёл

¹Выражение это взято из предписания Комиссии духовных училищ правлению Московской духовной академии от 25 мая 1814 г. за № 44. (Дела академических правлений за 1814 г.)

²Когда Ив. Ал., по поводу непринятия его в академию, объяснялся с инспектором академии, архимандритом Филаретом (впоследствии митрополит Киевский), вошёл в инспекторскую комнату молодой бакалавр иеромонах Никанор (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский) и, вслушавшись в заявление Субботина, что он не хуже других владимирцев, принятых в академию, и готов подвергнуться самому строгому приёмному экзамену, обратился к нему с усмешкою: «Уж не в профессора ли хотите вы к нам поступить?» Но о. Филарет молча отстранил своего сослуживца рукою, дав ему тем самым понять неуместность его шуток. Сам же Филарет был так деликатен, что с большою осторожностью, только намёком объяснил Субботину, что причиною, по которой нельзя принять его в академию, служит его физический недостаток. Впоследствии И. А. с удовольствием вспоминал и об этом свидании с Филаретом, и о кратком знакомстве с некоторыми студентами первого курса, особенно Ф. А. Голубинским, — с ним он сыграл несколько партий в шашки и притом победоносно.

³

Вослед Христу грядет, кто свято, непреложно,
Колико смертному во плоти сей возможно,
Из чистыя любви, закон святыи блюдет, —
Сей верный Божий раб вослед Христу грядет.

Вослед Христу грядет, кто сирым покровитель,
Обидимым отец, скорбящим утешитель,
Трудящимся покой, во тьме ходящим свет,
Сей верный друг людей вослед Христу грядет.

Вослед Христу грядет наш Пастырь несравненный;
Мы ясно зрим сии в нём свойства драгоценны.
Для славы Божией Он в мире сём живет.
Христе! Храни Его, — Он вслед Тебе грядет.

⁴Священник Суздальской Воскресенской церкви, учитель и потом инспектор Суздальского духовного училища.

себе не менее искренних друзей, без которых жизнь, по моему мнению, тягостна. Да и какой же добрый человек не оценит этого твоего прямодушия, которое я испытал?.. Скучаю по тебе, и буду скучать, и искренно желаю тебе всякого благополучия».

IV.

Первое время пребывания Ивана Алексеевича в Шуе, ещё до официального открытия здесь духовного училища, было для него очень хлопотливо. Кроме исправления необходимых инспекторских обязанностей, например, введения хотя некоторой дисциплины среди нестройной толпы новичков-учеников и надзора за ними, он должен был, по поручению начальства, заниматься составлением речи и оды для произнесения на торжестве открытия училища. с. 193

Как речью, так и одою Субботин вполне украсил это торжество, которое происходило 24 сентября вышеозначенного 1816 года, при личном участии преосвященного епископа Ксенофонта и инспектора Владимирской семинарии, архимандрита Иосифа (Березина), и в присутствии многих духовных и светских лиц.¹ В своей речи он весьма сжато и вместе обстоятельно выяснил великую важность и трудность дела воспитания и образования. Он раскрыл здесь именно ту мысль, что взявший на себя великое дело «образовать ум и сердце юношей, развить их рассудок, сообщить познание добра и вкус к полезному и изящному» необходимо обязан наблюдать особенную осмотрительность и разборчивость в приёмах своей деятельности, которые должны быть столько же разнообразны, сколько различны свойства ума и характера учащихся, и что в противном случае он понесёт на себе нравственную ответственность пред обществом. «Преосвященнейший Владыко, — заканчивает свою речь Субботин, — вот сколь важное и сколь трудное поприще, на которое мы тобою поставлены! Чувствуем, что звание сие не по нашим силам; оно требует опытной мудрости. Впрочем, надемся, что благодать Божия, умудряющая младенцев, время, всё под луною совершенствующее, и предшествующий нам пример твоей мудрости, с которою поучаешь ты свою паству, и нас образуют и помогут нам оправдать твоё архипастырское избрание».² с. 194

Но если в речи своей Ив. Ал. рассуждает о деле воспитателей и учителей, то в своей оде он касается уже дела учащихся. Исходя из того положения, что «всему своё на свете время» и что отрочество есть пора особенно благоприятная для образования ума и сердца, наш поэт убеждает юношей воспользоваться молодостью для своего умственного и нравственного развития и выражает надежду, что они, при испрашиваемом благословении свыше, принесут в новом распаднике просвещения добрые плоды трудов как наставнических, так и своих собственных.³ с. 195

По вступлении на службу в Шуйское училище, Ив. Ал. очень недолгое время оставался в светском звании. Женившись в 1816 году на дочери юрьевского соборного священника Анне Николаевне Соколовой, он 24 ноября 1818 г. преосвященным Ксенофонтом рукоположён во священника к Симеоновской церкви гор. Переславля-Залесского. Таким образом, Ив. Ал. был в одно и то же время и шуйским учителем, и переславским священником. Он почти безвыездно жил в Шуе, а в Переславле служил за него один из священников заштатных. Это с. 196

¹Ректор семинарии, архимандрит Иосиф (Величковский) не мог быть на открытии Шуйского духовного училища и послушать здесь своего любимца И. А. Субботина, потому что ездил тогда открывать Муромское училище.

²Речь эта целиком напечатана в труде протоиерея Е. И. Правдина: «История Шуйского духовного училища», Владимир, 1887 год, с. 6—8.

³

О юноши! Доколе всё для вас спокойно, —
Доколе совесть в вас чиста,
Доколе мысли идут стройно,
Доколе мира суета
Не оковала вас цепями, —
Теките правоты путями
К назначенной для вас мете.
Се вам наук открыто поле,
Да, выших повинуюсь воле,
Трудитесь сердца в чистоте.

На подвиг сей спешите смело:
Сам Пастырь, сам Монарх, сам Бог,
Благословляя ваше дело,
Дают вам счастья залог.
Под их отеческим покровом
Надеемся на месте новом
В вас видеть новые плоды.
Пусть всяк из вас успех покажет,
И Архипастырю докажет
И наши, и свои труды!

Об этой оде прошли лестные отзывы по всей епархии. «Ode tuum, — писал Субботину, вскоре по открытии Шуйского училища, один из его суждальских знакомых, — quod habuisti in concione gymnastica coram Praesule et frequenti multitudine visitorum, multis laudibus celebratur, cujus exemplar mihi mittas, oro».

имело, конечно, свои неудобства. В устранение их о. Иоанн новым архипастырем Владимирским Парфением переведён был в 1825 году к церкви шуйского упразднённого Троицкого монастыря.

В училище он преподавал разные предметы и в разных классах. В октябре 1823 года назначен учителем латинского языка и арифметики в низшем отделении; 17 февраля 1826 г. определён учителем арифметики, географии и пения в высшем отделении, а с декабря 1827 г. стал преподавать в том же отделении и латинский язык.

Это был вообще заботливый, энергичный и гуманный педагог, зорко следивший за успехами и поведением учеников, но действовавший на них не строгостью, которая практиковалась тогда в духовных школах в широких размерах и нередко принимала характер вопиющей жестокости, а мягким, благодушным обращением с ними. Таким именно он представляется в воспоминаниях его многочисленных учеников. Достаточно сослаться на самые авторитетные свидетельства. Покойный архиепископ Волынский Агафангел, бывший ученик Шуйского училища, в общем отзывавшийся об этом училище в высшей степени неблагоклонно, всё-таки признавал И. А. Субботина, своего инспектора и учителя, одною из «светлых личностей», имевшей большое нравственное влияние на воспитанников.¹ Другой известный архипастырь, также получивший первоначальное образование в Шуйском училище, нынешний Высокопреосвященнейший Тверской Савва, отзывался об о. Иоанне Субботине как об учителе и инспекторе энергичном, умном и гуманном.²

с. 197

Ивану Алексеевичу приходилось исправлять и смотрительскую должность во время отлучек смотрителя, протоиерея Василия Ивановича Смирнова, в село Васильевское, где он был настоятелем Троицкой церкви. О. смотритель каждый раз с спокойным духом отправлялся в своё село, так как хорошо знал, в какие надёжные руки передавал он кормило правления училищем.³ В училищных должностях о. Иоанн находился до ноября 1830 года, когда вынужден был отказать от них по неприятным для него обстоятельствам. Новый смотритель училища захотел взять себе уроки латинского языка, преподававшегося Субботиным, и начал домогаться осуществления этого желания чрез тогдашнего ректора семинарии, своего товарища по академии.

с. 198

Легко поддававшийся влиянию других, о. ректор не мог не воспользоваться первым удобным случаем, чтобы порадовать близкому человеку. На приёмном экзамене в семинарии некоторые ученики Шуйского училища неудачно ответили по-латыни. Этого было достаточно, чтобы семинарское правление, руководимое о. ректором, признало священника И. Субботина неспособным учителем латинского языка. Оно не только сделало строгий выговор ему за малоуспешность учеников, но и перевело его на другой предмет (греческий язык), с предоставлением, разумеется, самому смотрителю преподавания латыни. Таким распоряжением семинарского начальства Ив. Ал., конечно, не мог быть доволен. Особенно было обидно ему то, что начальство так торжественно признало его неспособным преподавать не географию или нотное пение, а именно латинский язык, который он знал в совершенстве, на котором писал и говорил и которому учил с таким наслаждением и увлечением. Для облегчения своей скорби, он письменно поделился ею с знакомым ему ректором Калужской семинарии, архимандритом Владимиром (впоследствии епископ Тобольский и Сибирский). О. архимандрит Владимир отнёсся к нему с самым тёплым участием. «Любезный о Христе брат и друг Иван Алексеевич, — отвечал он Субботину, — жалею, очень жалею о неудовольствии, встретившемся с вами; но с кем подобного не бывает? Недоброжелатели ваши не столько другим и вам, сколько себе вредят. Оставьте их. На сей же почте я писал к о. ректору Владимирскому и советовал ему поближе взглянуть на вас, и, кажется, он должен меня послушать. Как я знал его в академии, он человек добрый, только может быть легковверен; а это мутит и чистую воду. Если же он меня не слушает и не оставит вас на латинском классе, и если вы точно замечаете, что ваше служение при училище для него не нужно, то melius est exire, quam exsogī. Не столько вы об училище, сколько училище

¹ Архиепископ Волынский, ранее — епископ Вятский, Агафангел / П. Е. С. // *Вятские епархиальные ведомости*. — 1891. — № 2. — С. 17.

² Церковно-приходская летопись Спасской церкви города Шуи, л. 21: «Посещение архиепископом Саввою протоиерея М. В. Миловского». Этот отзыв архиепископа Саввы об о. протоиерее Субботине слышан и автором настоящей статьи непосредственно из уст Высокопреосвященного.

³ «Инспектор, учитель Субботин, — говорилось в донесении семинарского правления академическому о наставниках Шуйского училища, — оказывает к должности своей особенную ревность. Он, кроме обыкновенного за учениками присмотра чрез старших, сам почасту хаживал по ученическим квартирам, стараясь узнать обстоятельнее поведение учеников; а во время необходимой смотрителя отлучки в село Васильевское порученную ему должность отправлял с великою точностью и усердием». (Дело об увольнении смотрителя Шуйского училища протоиерея В. Смирнова от училищной службы. Архив Московской духовной академии. 1827 г. № 86.)

должно сожалеть об вас. Не знаю, как смотрит на сие владыка ваш. Кажется, он всегда думал об вас очень хорошо. Не изнемогайте, но паче благодушествуйте». Но архимандрит Владимир уже запоздал с своим ходатайством за священника Субботина и с советами ему: о. Иоанн, после постигшей его неприятности, нашёл для себя нравственно невозможным долее оставаться при училище и потому подал просьбу об увольнении его от всех училищных должностей, которое и было дано ему без малейшего замедления. Так расстался со службою в Шуйском духовном училище тот, кому оно обязано своим первоначальным устройством...¹

с. 199

V.

Как бы взамен оставленных училищных должностей о. Иоанн Субботин вскоре после того получил особенные должности по епархиальному ведомству. Переведённый в 1831 году от Троицкой церкви к Старому Покровскому собору, он в том же году был назначен членом Шуйского духовного правления, депутатом и увещателем. Отсюда видно, что преосвященный Парфений, думавший, по замечанию калужского ректора Владимира, об о. И. Субботине «очень хорошо», оказывал ему большое внимание и доверие. Должность члена духовного правления сразу выдвинула о. Иоанна из среды городского и окружного сельского духовенства, потому что это правление представляло собою, так сказать, консисторию в миниатюре, служило вспомогательным органом самой епархиальной власти, и члены его облечены были значительными правами и преимуществами.

О. Иоанн Субботин с ревностью проходил пастырскую службу и все возложенные на него должности. Как служитель алтаря Господня, он отличался любовью к совершению богослужений и всегда отправлял их истово и благоговейно. Он старался располагать прихожан к поддержанию и увеличению благолепия храма Божия, и успевал в этом. При нём к Покровскому собору пристроены приделы; над ними воздвигнута колокольня; для неё слит большой благозвучный колокол; вся церковь окружена каменной оградой с красивыми чугунными решётками; ризница же пополнилась многими весьма дорогими богослужебными принадлежностями. Как пастырь церкви, о. Иоанн зорко следил за поведением своих духовных чад и стремился развивать и воспитывать их в нравственном направлении.

с. 200

В последнем случае ему много помогал его проповеднический талант. С самых первых лет священнического служения своего о. Иоанн зарекомендовал себя как выдающийся проповедник. Проповеди его всегда вызывали лестные отзывы со стороны слушателей, ощущавших на себе их действенность. Шуйские духовные цензора также отзывались с похвалой о проповедях о. Иоанна.² О. Иоанн старался развить свой проповеднический талант не только частыми собственными упражнениями в составлении поучений, но и ревностным чтением образцов церковного красноречия. Слова отцов и учителей Церкви и произведения лучших отечественных и иностранных проповедников были, можно сказать, настольными его книгами.³ С течением времени проповеди о. Иоанна сделались ещё обстоятельнее и назидательнее, так что сам преосвященный Парфений, этот строгий ценитель гомилетической литературы, обратил на них благосклонное внимание и находил их достойными одобрения. На одной тетради проповедей

с. 201

¹Иван Алексеевич Субботин много сделал для возбуждения в шуйском обществе сочувствия к новооткрытому духовному училищу. Для этого он всегда старался, между прочим, как можно торжественнее и интереснее обставлять училищные публичные экзамены, на которые собирались все почётные представители города. На этих экзаменах ученики произносили разные стихи и разговоры, которые составлялись именно Иваном Алексеевичем. Он же сочинял стихи и для рекреаций.

²Вот, например, какие рецензии писал на них протоиерей Алексей Никитский: «Труд, достойный внимания, и дар слова, коему отдаёт справедливость цензор» (слово на Рождество Христово 1822 г.); «Поздравляю сочинителя с счастливым запасом назидания на сей день» (слово на тезоименитство императора Александра I 1823 г.); «Достоинство быть выслушано с пользою» (слово на день рождения императрицы Марии Феодоровны); «Прежде всеобщего одобрения подаёт на то голос цензор такой-то» (слово на день Сошествия святого Духа); «С удовольствием занимался чтением проповеди и обращаю (?) оную к произнесению» (слово на тот же день); «К чести праздника, желаю сочинителю иметь честь произвести сие нравоучение» (слово на день Усекновения главы Иоанна Предтечи). Следовавший за Никитским цензор, протоиерей В. Смирнов, подписывал рецензии проще, например так: «Проповедь очень хороша» (слово на Рождество Христово 1838 г.).

³На книжке сочинений знаменитого французского проповедника Бурдалу он сделал такого рода надпись:

Советую я всем Слова *честь* Бурдалу:
Он ими заслужил и *честь*, и похвалу.

о. И. Субботина имеется следующая собственноручная надпись епископа Парфения: «Читал с удовольствием». Отсюда, путём непосредственного ознакомления с поучениями о. Иоанна, преосвященный приобрёл полное доверие к его проповедническому таланту. Бывало, шуйский цензор в расписании очередного проповедания слова Божия в городском Воскресенском соборе назначит проповедь на какой-либо высокаторжественный день другому священнику, а владыка Парфений, без всякой церемонии, зачеркнёт и напишет: «Не по силам; сказать Субботину».

Вообще, талантливое и благоуспешное проповедание слова Божия как-то особенно ярко блистало на светлом фоне всей пастырской деятельности о. Иоанна. Неудивительно, что этот пресвитер, вообще прилежавший добре ко всем своим обязанностям, паче же труждавшийся в слове и учении, удостоился и сугубой чести: в 1845 г. он возведён в сан протоиерея.¹ Из клировых ведомостей открывается именно, что он получил протоиерейское достоинство, как вообще «за долговременное и тщательное прохождение должностей», так, в частности, и «за благоуспешную ревность к проповеданию слова Божия».²

с. 202

VI.

Протоиерей И. А. Субботин умел соединять в себе с простотою, обходительностью и приветливостью сознание собственного достоинства. Пред знатыми и влиятельными лицами он был почтителен и предупредителен, но без малейшего вида унижения и угодливости; с людьми низших классов был неизменно обходителен, ласков и прост, но так, что при этом немислима была с их стороны какая-либо фамильярность в отношении к нему.

Это умение о. протоиерея всегда держать себя с достоинством, при его уме и рассудительности, снискало глубокое уважение к нему во всех слоях Шуйского общества. Он имел обширный круг самых усердных и преданных почитателей.

К числу их принадлежал и помещик пригородного села Горчакова, камергер двора Его Величества, Николай Андреевич Кашинцев. Находя приятными и назидательными свидания с о. протоиереем Субботиным, он часто приглашал его к себе в Горчаково. На память об этих свиданиях, Ник. Андр. подарил ему чрезвычайно редкую «для немногих напечатанную» книжку своего сочинения под заглавием: «Гробница Императора Николая I».³ На этой изящно изданной книжке имеется следующая надпись: «Почтеннейшему отцу протоиерею и кавалеру Иоанну Алексеевичу Субботину на память назидательных бесед его в селе Горчакове. СПб., 24 июля 1858 года». Вообще, Кашинцев всегда и неизменно питал приязнь и уважение к о. Иоанну, хотя и отличался обыкновенно непостоянством своего характера и до некоторой степени своенравием.⁴

с. 203

Шуйские граждане так уважали о. Иоанна Субботина, что считали за особенную честь отдавать ему своих детей «в науку». Эти учебные занятия о. Иоанна в домах шуйского купечества вспоминались с благодарностью его учениками, из которых теперь едва ли кто уже остался в живых. У наиболее видных купцов того времени, Киселёвых и Посылиных, он учил

¹ До протоиерейства о. Иоанн получил три награды: набедренник (1819 г.), скуфью (1830 г.) и камилавку (1841 г.), и после принятия протоиерейства — также три знака отличия: наперсный крест (1850 г.), крест в память Севастопольской войны и орден святой Анны 3 степени (1856 г.).

² Впоследствии, при новом архиерее, преосвященном Иустине, по его, кажется, желанию и по просьбе шуйских граждан о. Иоанн издал небольшое собрание своих поучений. Оно было весьма сочувственно встречено обществом и заслужило одобрение некоторых иерархов. «Зная ваши дарования в проповедании слова Божия, — писал о. Иоанну Черниговский архиепископ Павел, — поручил я консистории оповестить духовенство Черниговской епархии к приобретению поучений ваших покупкою». Ярославский архиепископ Евгений, прочитав книжку проповедей Субботина, заподозрил в авторе их человека с высшим богословским образованием, и потому, в собрании всех наставников семинарии, обратился к ним с вопросом, не знают ли они, из какой академии протоиерей гор. Шуи И. Субботин, которым напечатаны весьма назидательные и обработанные поучения? — Кстати заметить, проповеди протоиерея Субботина выдержали три издания (в 1851, 1855 и 1857 гг.) и теперь являются библиографической редкостью.

³ Книжка эта, в предисловии которой сказано, что она напечатана *для немногих*, составляет, действительно, большую библиографическую редкость: её нет даже в таких замечательных книгохранилищах, как Московская Румянцевская и Чертковская библиотеки. Она посвящена «его высокопревосходительству К. Е. Мандерштерну» и содержит в себе рассказ автора о поклонении его гробнице Николая I и о встрече его в Петропавловском соборе с Императором Александром Николаевичем.

⁴ Вот что говорит о Николае Андреевиче Кашинцеве бывший опекун его и Владимирский губернатор, князь Н. (?) М. Долгорукий: «Николаша... в юности казался очень тих, никаких страстей в нём не было приметно, но как развернулся ус, то и нрав начал развёртываться: он оказался своеобразлив». (*Долгорукий, Н. М.* Капище моего сердца / Н. М. Долгорукий. — М., 1874. — С. 140.)

всех почти детей. Столь памятный шуйским жителям миллионер Иван Демидович Киселёв, человек весьма умный, предприимчивый, ведший в широких размерах торговлю и необычайно благотворительный, устроивший в Шуе превосходную больницу, ныне известную под именем «Киселёвской», был ученик именно о. Иоанна Алексеевича. Опытный и способный педагог из своих учеников образовывал и выводил в общество весьма грамотных, развитых, а главное — нравственных, богобоязненных людей.¹

с. 204

Особенно большое уважение, преданность и доверие оказывали о. Иоанну Субботину его духовные дети — покровские прихожане. Без его совета, без его нравственного участия они редко обходились даже в обыденных житейских делах: что сказал батюшка о. Иоанн, то получало для них силу закона, то и прилагалось ими немедленно к делу. Такою преданностью, уважением и доверием к нему отличались, главным образом, семейства почётных граждан Корниловых и Поповых. Это были в полном смысле духовные дети его, делившиеся с ним своими радостями и печалью, обращавшиеся к нему за советами в затруднительных обстоятельствах жизни и находившие в нём самого близкого и дорогого для них человека, искреннего радателя об их не только высших духовных интересах, но и о житейском благополучии.

По характеру мягкий, спокойный, благодушный, о. протоиерей вносил и во весь строй своей домашней жизни начала мира и безмятежия: у семейного очага его уютилась одна тихая, ровная любовь.

Свободные часы о. Иоанн обыкновенно посвящал чтению книг, и не только духовных, но и светских. Всё, что казалось ему из прочитанного замечательным или просто лишь интересным, он заносил в особую книгу, подразделённую на разные отделы. В этой книге можно найти и выписки из творений Святых Отцов и Учителей Церкви, и проповеди Филарета и Иннокентия, и «Историческую записку» географа Арсеньева о городе Шуе, и полную родословную Романовых (?), и извлечения из разных статей светских специальных учёных журналов, и патриотические стихотворения некоторых авторов из времени Севастопольской кампании, и милые стишки Ломоносова: «Услышали мухи медовые духи», и лучшие из басен Дмитриева и Крылова, и прочее, и прочее.² Любил о. Иоанн, по старой памяти, читать и латинских классиков, — любимыми его авторами были Цицерон и Вергилий. Удалось ему на Шуйской ярмарке купить латинскую книжку писем Феофана Прокоповича, — и с каким наслаждением он её читал, восторгаясь прекрасным латинским языком автора!

с. 205

Очень интересовался о. И. Субботин литературными и другими памятниками старины, и особенно — местной. В «Отечественных записках» за 1826 год напечатано письмо его к редактору, которое ясно показывает, что об о. Иоанне Алексеевиче, как любителе древностей, известно было и не одним жителям Шуи. Оно написано именно в ответ на просьбу редактора сообщить ему о шуйских достопримечательностях и составить хотя краткий исторический очерк города Шуи. В указанном письме, между прочим, любопытны сведения о редкостях в доме Киселёва.³

Большая часть их, — пишет о. И. Субботин, — состоит из оригинальных картин и вещей, редких по дороговизне, а не по древности. Из рукописей старинных знаю у него только записки известного путешественника ко святым местам Барского, своеручно им писанные, с которых напечатана книга: „Странствования ко святым местам Василия Григорьевича Барского“. При сей книге довольно рисунков, со святых мест и чудотворных икон им снятых; также есть и паспорта, выданные ему

с. 206

¹Замечательно, что брат И. Д. Киселёва, у о. Иоанна не учившийся, а получивший образование в светских школах, был виновником полного разорения славного некогда Киселёвского торгового дома.

²Здесь же есть одно и собственное стихотворение о. И. Алексеевича «Надпись на книге Эмина Путь ко спасению», подаренной какому-то Василью Панкратычу 26 апреля 1836 года:

Дарю тебе, любезный мой земляк,
Не повесть и не сказку,
А верную указку,
Путь ко спасению найти возможно как...

Вообще, о. Иоанн не оставлял никогда своих упражнений в стихотворстве. Одному из именинников он послал приветствие с нравственным наставлением, начинающимся так:

Именинник дорогой!
Ты иди прямой дорогой,
Будь блюститель жизни строгой...

³Деда вышеупомянутого Ивана Демидовича.

начальниками палестинскими и римскими, на греческом и латинском языках.¹ Есть у него (Киселёва) и старинных медалей довольно, но я, по неопытности моей в гербоведении, ни ему не мог, ни вам не могу дать никакого познания о них. Г. Киселёв есть любознательный изыскатель редкого. Много у него учёных любопытных примечаний на заблуждения Штиллинга и других ему подобных, но он не всем всё скоро показывает.

На просьбу или приглашение редактора «Отечественных записок» составить исторический очерк города Шуи, о. Иоанн отвечает: «Начертать исторические сведения о гор. Шуе могу я разве по одним устным преданиям, но для сего мне нужно будет войти в рассуждение предварительно с другими лицами».²

с. 207

О. Иоанну Субботину суждено было отыскать неизвестный дотоле драгоценный манускрипт — подлинное письмо Святителя Митрофана Воронежского к Шартомскому архимандриту Александру. Около 1835 года о. Иоанн, по поручению епархиального начальства, производил ревизию церковного имущества шуйского Воскресенского собора и Николо-Шартомского, близ Шуи, монастыря. Любознательный ревизор воспользовался благоприятным случаем, чтобы просмотреть богатый монастырский архив. Здесь в связке пыльных, небрежно хранившихся старинных бумаг он нашёл это собственноручное письмо Святителя Митрофана. «Боже мой, какая драгоценность», — говорил он, целуя рукописание Угодника Божия, мощи которого были открыты лишь незадолго пред тем. Открытие этого письма было чрезвычайно радостно встречено в православном Русском мире, потому что оно дало новые, весьма драгоценные данные для биографии Святителя.

За дорогой подарок ваш, — писал Костромской епископ Павел знаменитому учёному А. В. Горскому, который прислал ему песнопение в честь Святителя Митрофана, — позвольте полатиться вам также важным подарком. Вы из описания Унженского Макариева монастыря прежде гадали, что Святитель Митрофан до монашества находился в супружеском состоянии. Догадка ваша совершенно оправдалась. Вот вам в копии грамота Святителя Митрофана, найденная в Шартомском Николаевском монастыре, что близ гор. Шуи, и доставленная ко мне Преосвященнейшим Парфением, архиепископом Владимирским. В ней ясно сказано, что святитель Митрофан имел сына по плоти Ивана и сам в мире именовался Михаил. Открытие весьма важное... Для меня же стечение обстоятельств весьма замечательное: от вас получил песнопение во славу святителя Митрофана 18-го числа, а от Преосвященного Парфения грамоту — 19-го. Сие величайшую доставило мне радость и утешение. О грамоте можете довести до сведения и Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета при удобном случае.³

с. 208

Если Преосвященный Павел считал замечательным то обстоятельство, что он два дня подряд получал предметы, соединённые с именем Святителя Митрофана, то тем более нужно признать удивительным и знаменательным факт открытия письма сего Угодника Божия не кем-либо другим, а именно его же односельчанином, антилоховским же уроженцем, священником Субботиным.⁴

О. Иоанн, как человек наблюдательный и аккуратный, любил вести календарные записи про метогія.⁵ На пробельные листы календарей он заносил всё, что находил в каком-либо отношении достопамятным: выдающиеся события в своей личной и семейной жизни, городские

¹Впоследствии подлинная рукопись «Странствований» Барского принадлежала знаменитому библиофилу, московскому купцу Царскому, и вместе с другими его рукописями поступила в библиотеку графа А. С. Уварова. Рукопись эта описана П. М. Строевым в его труде: *Рукописи Славянские и Российские, принадлежащие Ивану Никитичу Царскому*. М., 1848. № 601 и 602.

²*Отечественные записки*. — 1826. — Март. — С. 498—500.

От составления исторического очерка Шуи по актам о. Субботин уклонился, конечно, потому, что собиранье такого рода материалов потребовало бы от него, человека должностного, слишком много времени и трудов. «Начертал» ли он исторические сведения о Шуе по устным преданиям, неизвестно; но, кажется, сообщениями его пользовался географ Арсеньев для своей статьи о гор. Шуе, помещённой в журнале Министерства Внутренних Дел.

³Творения Святых Отцев в русском переводе, изданные при Московской духовной академии. — М., 1887. — Т. 4. — С. 359—360.

⁴О происхождении Святителя Митрофана из Антилохова сделалось известным лишь по новейшим исследованиям, и о. И. Субботин не подозревал, что открыл рукопись именно своего односельца. — Данные из этого письма вскоре после того внесены были в житие святого Митрофана, изданное по благословению Святейшего Синода. Самое письмо напечатано было потом: в «Москвитянине» (за 1842 г.), в приложении к «Описанию города Шуи» Борисова (1851 г.), в «Описании Николо-Шартомского монастыря» (1863 г.) и в «Прибавлениях к Творениям Святых Отцев» (1887 г., т. 4, с. 361—362).

⁵Pro metogia — для памяти (лат.) — *Ред.*

и иногородные происшествия, перемены погоды и прочее. Все эти заметки о событиях, относящихся к разным годам, записывались в порядке месяцев. Приведём здесь только некоторые из этих записей, касающиеся обстоятельств семейной жизни о. протоиерея.

«С 14-го на 15-е октября 1825 года в ночи родилась дочь Анастасия; окрещена 16 ч., воспринята от купели Шуйск. городничим П. Б. Шульгиным и тёщю Марьей Ивановной».¹
«1845 года октября 23-го дня (вторн.), в 3 часа по-полудни скончался в Москве, в Екатерининской больнице сын мой Иоанн, студент Московской духовной академии; погребён 27-го дня в Новоспасском монастыре у ограды с восточной стороны пред третьей аркой с угла северного; вокруг могилы его — памятники Евреиновой и Хотяинцова. Жития его 22 года 8 месяцев и 6 дней. Эпитафия:

Почил здесь от трудов
Искавший мудрости следов
Студент Иван Субботин».²

«1827 года на 13-е ноября, в 6 часу по-полудни родился сын Николай; воспринят от св. купели Горицким о. Матфием с тёщю Марьей Ивановной 14-го ноября». «1854 года декабря 2-го дня я получил от сына Николая радостное известие, что он утверждён Святейшим Синодом в степени магистра.³ В тот же день продал Московскому книгопродавцу А. Г. Кузнецову 200 книжек моих поучений за 30 руб. серебром».

Любил также о. протоиерей поддерживать переписку с своими знакомыми, которые жили вдали от него. Сохранилось доселе несколько писем к нему архипастырей: Аркадия Пермского, Павла Черниговского, Иосифа Смоленского, Владимира Тобольского и одно письмо (на латинском языке) ректора Московской духовной академии, архимандрита Сергия, нынешнего митрополита Московского.

В высшей степени характерны письма преосвященного Иосифа Смоленского, жившего уже на покое в Киево-Печерской лавре; заслуживают внимания и обстоятельства, по которым они были писаны. В конце апреля 1839 г. один из шуйских жителей, некто Иван Яковлевич, собрался в Киев на богомолье. Узнав об этом, о. И. Субботин написал ему на листочке толстой серой бумаги записочку такого содержания: «Иван Яковлич! Наведайся пожалуйста в Киеве, жив ли Преосвященнейший Иосиф. Если жив и ты найдёшь случай принимать от него благословение, то попроси оно от Его Преосвященства и мне, с изъявлением ему моего высокопочитания». Язык довёл Ивана Яковлевича до Киева и дал ему возможность узнать здесь, что преосвященный Иосиф, по милости Божией, жив и что в известные часы можно видеть его и принять от него благословение. Услужливый и простодушный Иван Яковлевич при свидании с преосвященным сделал даже больше того, о чём просил его в своей записке к нему о. Иоанн: он самую эту записку, написанную на первом попавшемся клочке грубой бумаги, заблагорассудил вручить

¹ Анастасия Ивановна ныне в замужестве за протоиереем Спасской церкви в гор. Шуйе М. В. Миловским.

² Это был очень умный, добрый и скромный человек. Во время учения во Владимирской семинарии он пользовался искреннею приязнию товарищей и расположением наставников и самих начальников — инспектора Евфимия (с которым после переписывался) и ректора Поликарпа. Сам преосвященный Парфений оказывал большое благоволение Ивану Ивановичу и, по переходе его в академию, не переставал помнить его и любить. «6-го февраля (1845 г.) был я у Владыки, — пишет о. Иоанн своему „Ванюшеньке“ в академию, — вспомнил Владыка о тебе; шутил, хорошо ли мать кормила тебя в святки; радовался, что так хорошо устроена судьба твоя и, благословив меня благословением благостынным, отпустил с миром». «Хорошо устроенной судьбой» Ивану Ивановичу Субботину пришлось попользоваться недолго. По переходе на второй курс он усиленными научными занятиями надорвал своё здоровье и получил чахотку. Академическое начальство отправило его для леченья в Московскую Екатерининскую больницу. Отсюда он несколько раз писал родителям о своей тяжкой болезни; но письма, как оказалось, по небрежности больничных служителей, на почту не сдавались, и по назначению не доходили. Только прибывшие в Москву приказчики шуйских фабрикантов Поповых, случайно узнав о нахождении Ив. Ив. в больнице, навестили его и, по возвращении в Шую, рассказали о его опасном положении о. Иоанну. Этот немедленно отправился в Москву, но застал дорогого сына уже бездыханным. Бедный юноша умер одинокий, не дождавшись одного только дня до приезда своего отца. На донесении инспектора академии о смерти студента Ив. Субботина митрополит Филарет написал: «Неизлишне было сказать, из которой епархии». (Дела Внутреннего Правления Московской духовной академии, 1845 г., № 64.) Должно быть, до митрополита дошли слухи о торжественных похоронах какого-то студента духовной академии Субботина, и потому пожелал получить некоторые сведения о нём. Ив. Ив. Субботин, действительно, как бы в воздаяние его смирения, похоронен был очень торжественно — не на простом кладбище, а в знаменитой ставропигиальной Новоспасской обители. причём монашествующие встретили в монастырских вратах гроб юноши и проводили до могилы. Такие похороны устроил Ивану Ивановичу очень любивший его Н. А. Кашинцев, состоявший в самых приятельских отношениях с Новоспасским архимандритом Аполлосом.

³ Николай Иванович Субботин, ныне заслуженный ординарный профессор Московской духовной академии.

с. 209

с. 210

с. 211

преосвященному. Старец-святитель прочитал её и тут же, на обороте её, начертал своим старческим почерком следующие строки: «Жив ещё грешный Иосиф, и просит святых молитв честнейшего отца иерея Иоанна Алексеевича Субботина и, желая ему всех благ, пребудет всегда усердным его смолитвенником. Июня 9 ч. 1839 г. Киевопечерская лавра». — Чрез восемь лет после того собрались на поклонение киевским святыням некоторые из семейства шуйских купцов Посылиных. О. Иоанн Субботин, до которого доходили слухи, что преосвященный Иосиф ещё жив, решился воспользоваться этим случаем, чтобы написать старцу-святителю письмо с выражением тёплых чувств уважения, преданности ему и сыновней любви к нему. На это письмо преосвященный Иосиф прислал с теми же Посылиными следующий глубоко трогательный ответ о. Иоанну:

Честнейший в протоиереях Иоанн Алексеевич!

Очень обрадовали вы меня вашим любезным писанием. Всеусердно благодарю вас за память о мне, дряхлом старике. Да радуется, да утешает вас выну Господь Вседержитель! Все отрадныя благословения Его да пребывают на вас, возлюбленный о Христе брат мой, и на благодатном семействе вашем. Мой век скончается. Об одном прошу вас: как услышите о моей кончине, помяните меня у престола Господня, помолитесь Обладателю живыми и мёртвыми, да дарует мне истинный покой в вечности, простив вся грехопадения моя.

Вашея пречестности усерднейший почитатель и смолитвенник болящий старец Епископ Иосиф.

Посылины очень вас любят и уважают. Я с удовольствием слушал истинныя вам похвалы почтенной Евдокии Михайловны. Июля 7 ч. 1847 г. Киевопечерская лавра.

VII.

Едва протоиерей И. А. Субботин достиг периода старости, как начал быстро слабеть силами. В храмовой праздник 1 октября 1859 года он совершил церковное служение уже изнурённый болезнью, хотя и произнёс поучение тем же твёрдым и выразительным голосом, которым всегда отличался. Это служение и это поучение его были последними. Постепенно усиливавшиеся старческие недуги (особенно слабость ног) более уже не выпускали его из дома, так что он вынужден был испросить себе увольнение на покой. Это увольнение последовало в январе 1860 года. Видя в постоянном усилении своих недугов несомненный признак приближения смерти, о. протоиерей озаботился приготовиться к ней должным образом: несколько раз он исповедовался и приобщался, а когда сделался совсем слаб, был особорован. 19 мая 1860 года, накануне своей смерти, о. Иоанн чувствовал себя несколько лучше, и даже наслаждался чтением какой-то латинской книжки. Но в ночь на следующее число его поразил лёгкий паралич. Днём больному становилось всё хуже и хуже, так что нашли нужным прочесть ему «отходную». Когда для этого стали искать в доме его требник, он, всё время находившийся в полном сознании, но уже почти совсем потерявший способность владеть языком, с усилием прошептал: «Киевский... в комод... внизу...» В указанном месте действительно отыскался требник киевской печати, по которому и был прочитан канон на исход души.

Между тем у постели старца собрались его близкие — родные и знакомые. Все они находились в благоговейном трепете, под влиянием наступавшего часа смерти, и не сводили скорбных взоров с умиравшего, который чуть слышно дышал. Вдруг он весь встрепенулся и с просиявшим лицом, с улыбкою на устах прошептал: «Иосиф!.. Иосиф!» Ясно, что ему представился кто-то по имени Иосиф. У присутствовавших, разумеется, начались на этот счёт разные догадки и предположения. «Не Осип ли Тимофеич показался тебе?» — спросила умиравшего жена его, но он сделал отрицательное движение головою. О. протоиерей, видимо, напрягал все усилия шевельнуть языком, и не мог. Так прошло несколько томительных минут. Наконец, с необычайным усилием и отрывисто, он прошептал: «Приходил... преосвященный...» Тогда зять о. Иоанна, священник М. В. Миловский, спросил его: «Батюшка, не покойный ли это преосвященный Иосиф Смоленский?» Умиравший обрадовался и произнёс: «Да, да!»

Спустя немного после того, в исходе 9 часа вечера, протоиерей Иоанн Алексеевич Субботин предал дух свой Богу духов. «Знать, батюшка городской¹ скончался, — царство ему небесное!» —

¹«Городными», то есть городскими, прежде назывались шуйские жители той окружённой валом местности, где в древности сосредоточивался весь город Шуя с его соборною церковью и административными учреждениями. И теперь от некоторых старожилов можно слышать выражения: «батюшка городской», «матушка городная» и тому подобные.

закрестились чтившие его жители Шуи, услышав среди вечерней тишины редкие, унылые удары большого колокола Старо-Покровского собора.

Умерший тотчас же был облачён. На груди его положили евангелие, им самим тщательно переписанное.¹

Отпевание почившего было совершено на третий день, при многочисленном стечении народа со всего города и окрестных мест. Прекрасное слово в память о. протоиерея сказал достойный преемник его, священник А. И. Казанский.²

с. 214

Господь, содержащий в деснице своей все концы земли и жребий всех людей, — говорил проповедник, — воззвал к вечному покою своего служителя, подвигом добрым подвизавшегося во славу святого имени Его и для спасения ближних. Пред нами погребальный одр с бездыханным телом в Бозе почившего протоиерея Иоанна. Столько лет возносивший в сём храме молитвенный свой глас о людях, он ныне является здесь безмолвен, ожидая над собою исходного пения; благословлявшая рука его не благословляет, уста его, столь часто с этого священного места возвещавшие слово евангельской истины, запечатлены вечным молчанием. Долго томился он под бременем тяжкого недуга... Неоднократно Господь в освящающих своих таинствах приходил утешать изнемогавшего телом, но не духом, своего служителя. Силы постепенно истощались, — и наконец унылый звук колокола в вечернем сумраке возвестил нам, что служитель Божий почил сном смертным.

Выяснив затем, в назидание слушателей, понятие о смерти как успении, и указав на то, что она для людей верующих и благочестивых никогда не была и не может быть предметом ужаса и скорби, — проповедник обращается к почившему с такими заключительными словами: «Усопший служитель церкви Христовой! Тебя не смущал грозный призрак смерти, ибо ты мог сказать словами Апостола: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тимоф. 4, 5). Мы уповаем, что по милосердию Господа, которому ты служил, принося бескровную жертву, тебе соблюдается и венец правды».

С разрешения преосвященного Иустина, почивший похоронен в ограде Покровского собора, против среднего полукружия алтаря главной церкви. Впоследствии на могиле о. протоиерея И. А. Субботина поставлен был сыном его беломраморный памятник в виде утверждённого на камне четырёхконечного креста с лежащею у подножия его раскрытою книгою, на которой вырезаны утешительные слова Златоуста: «Никто же да боится смерти, свободи бо нас Спасова смерть».

с. 215

¹Писать это евангелие он начал задолго до кончины и употреблял на этот труд большею частью утреннее время пред литургиями.

²Ныне о. протоиерей того же собора и благочинный шуйских церквей.